

КЛАССИФИКАЦИЯ НАРИЦАТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ И ТОПОНИМИЯ

Обращаясь к анализу лексического материала, лингвистическая наука стремится выработать принципы его классификации. Распределение огромного числа слов по отдельным группам не только позволяет добиться обозримости исследуемых фактов, но и объективно способствует познанию существенных свойств лексической системы. При всем несовершенстве таких классификаций нельзя не признать, что они создают ту базу, на основе которой становится возможным дальнейшее научное изучение лексики.

Естественно, что, работая над принципами выделения отдельных разрядов слов, трудно охватить сразу в одинаковой мере все лексические пласты языка. Очевидно, именно поэтому в лингвистике первоначально наиболее разработанными оказались классификации нарицательных слов. Однако по мере развития языковедческой науки все более ощущалась потребность в изучении собственных имен, что было связано как со стремлением исследовать пласт слов, ранее ускользавший из поля зрения лингвистов, так и с необходимостью создания общей лексикологической теории, описывающей все словарное богатство языка.

Изучение ономастического материала оказалось невозможным без предварительной классификации. Именно поэтому на заре развития ономастики и особенно топонимастики был создан ряд классификаций, исходящих из свойств топонимического материала. При выделении тех или иных групп топонимов опирались на семантику или форму названия, были попытки использовать и иные критерии¹. Вместе с тем довольно скоро стало ясно, что топонимические классификации, удовлетворяя в целом потребности чисто топонимического исследования, не позволяют представить ономастический материал как частный случай

---

¹ Обзор попыток создания топонимических классификаций см. в ст.: Черняховская Е. М. История разработки топонимических классификаций.— В сб.: Развитие методов топонимических исследований. М., 1970; см. также: Супранская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

лексики в целом. Иначе говоря, для построения общей лексикологической теории необходимо опираться на принципы, которые в одинаковой мере приложимы как к нарицательной лексике, так и к собственным именам.

Совершенно закономерным в этой связи представляется стремление опереться на классификационные схемы, разработанные для нарицательных слов. Не случайно в последнее время появился ряд работ, авторы которых пытаются выработать принципы распределения собственных имен по разрядам, определенным для нарицательных единиц. Возможность наложения классификации одного разряда слов на другой при этом обычно не подвергается сомнению. Так, А. В. Суперанская отмечает: «В зависимости от цели анализа собственные имена могут быть либо выделены в особую группу (группы), либо вместе с другими словами объединены в иные рубрики»².

Цель настоящей статьи — рассмотреть некоторые аспекты использования классификаций нарицательной лексики при анализе собственных имен, в частности топонимии. Собственные имена сопоставляются с теми разрядами нарицательной лексики, которые обычно выделяются в вузовских программах и учебниках³.

I

По числу выражаемых значений все нарицательные слова делятся на моносемичные и полисемичные. Ср. напр. такие слова, как *брюки*, *электровоз* и *выход* (из дома, из положения и др.), *голова* (человека, колонны и др.), *черный* (цвет, день и др.).

Моносемичность собственных имен не подлежит никакому сомнению: город *Ленинград*, река *Лена*, *Черное* море и др. Что касается многозначности, то исследователи, как правило, отрицают возможность обнаружить полисемию у собственных имен. Так, А. В. Суперанская полагает, что «полисемия им принципиально не свойственна»⁴. И. А. Воробьева также считает, что «многозначных топонимов нет»⁵. Имеются, однако, случаи, которые как будто свидетельствуют о проявлении полисемии в топонимии. В качестве примера можно привести так называемые комплексные названия географических объектов. Ср.: «Например, урочище Валу — это комплексное наименование местно-

---

² Суперанская А. В. Общая теория имени собственного, с. 102.

³ См.: Калинин А. В. Лексика русского языка. М., 1971; Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1972; Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977; и др.

⁴ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного, с. 292.

⁵ Воробьева И. А. Топонимика Западной Сибири. Томск, 1977, с. 22.

сти, где находятся покос, поле, лес. Каждый из этих объектов в отделимости также именуется Валами»⁶.

Известно, что полисемия в нарицательной лексике может развиваться в результате метафорического и метонимического переноса, ср.: *нос* (животного) — *нос* (лодки), *аудитория* (помещение) — *аудитория* (слушатели) и др. Наличие метонимии и метафоры в названиях географических объектов отмечается также многими топонимистами⁷. Ср. напр. р. *Москва* — гор. *Москва*, горы *Карпаты* — ур. *Карпаты* (в Свердловской области)⁸ и др. Несмотря на приведенные примеры, вряд ли можно говорить о наличии многозначности у топонимов. Тем не менее окончательный ответ на этот вопрос будет возможен лишь после того, как удастся во всех деталях проследить путь формирования топонима.

Таким образом, классификация нарицательных слов по числу выражаемых значений оказывается неприменимой к топонимам, которые в своей массе моносемичны. Вместе с тем необходимо исследовать все случаи, которые могут быть интерпретированы как проявление полисемии.

II

В зависимости от тождества или различия в значении и форме слов при их сопоставлении в нарицательной лексике выделяют синонимы, омонимы и антонимы. Кратко различия между ними можно сформулировать как совпадение в значении (полное и частичное) при несовпадении в форме (синонимы), совпадение в форме при различии в значении (омонимы) и противопоставленность значений при несовпадении (обычно) или совпадении (в случае энантиосемии) формы (антонимы).

Вопрос о возможности использования этой классификации при анализе собственных имен рассматривался рядом исследователей. Так, сопоставляя синонимические отношения в сфере нарицательной лексики и среди собственных имен, А. В. Супранская пишет: «Синонимия (если ее можно так назвать) собственных имен — это принципиально новое явление, не опирающееся на связь с понятием и базирующееся лишь на тождественности объектов, которые служат своеобразными центрами, вокруг которых концентрируются имена. Это случайное сближение имен, связанных друг с другом лишь тем, что они

⁶ Головина Э. Д. О характере номинации в микропонимике (на материале говоров северо-западной части Кировской области). — В сб.: Вопросы топонимистики. Свердловск, 1971, вып. 5, с. 116.

⁷ См.: Марадудина Т. В. Некоторые особенности употребления географических терминов в топонимике. — В сб.: Вопросы топонимистики. Свердловск, 1967, вып. 3; Пахомова В. Д. О метафорических названиях в топонимике. — В сб.: Вопросы топонимистики. Свердловск, 1970, вып. 4.

⁸ Печерских Т. А. Вторичные топонимы типа Камчатка. — В сб.: Вопросы ономастики. Свердловск, 1974, вып. 8—9, с. 26.

относятся к одному и тому же денотату, почему для этого явления больше подходит термин полионимия (многоименность)»⁹.

И. А. Воробьева полагает, что «термин «синоним» в топонимии нельзя отождествлять с понятием синонима в нарицательной лексике», так как разные обозначения одного и того же объекта представляют собой абсолютные синонимы, которые в нарицательной лексике встречаются редко¹⁰.

В конечном счете можно констатировать, что в сфере собственных имен имеют место отношения, аналогичные синонимичным в нарицательной лексике и проявляющиеся в разных наименованиях одного и того же объекта. Вместе с тем, как отметила А. В. Суперанская, собственные имена, называющие один и тот же объект, могут иметь разную природу. Одни из них «связываются друг с другом единством происхождения», другие «основываются лишь на случайном совпадении в качестве обозначающих для одних и тех же объектов»¹¹. Полагая, что разные названия одного объекта, связанные единством происхождения, характерны преимущественно для антропонимии, А. В. Суперанская не приводит примеров топонимов. Между тем варьирование географических названий может иметь следствием возникновение нового обозначения реалии, ср. напр. приводимые И. А. Воробьевой примеры *Пудановка* — *Пудовка*, *Балахнина* — *Балахоновка*¹².

Несколько замечаний необходимо сделать о возможности признания синонимами названий одного и того же объекта, хронологически сменивших друг друга. Так, А. В. Суперанская считает, например, синонимичными топонимы гор. *Ставрополь* на Волге — *Тольятти*, гор. *Лиски* — *Георгиу-Деж* и др.¹³ Очевидно, в данном случае говорить о синонимии нет достаточных оснований. По самой своей сути синонимы — сосуществующие обозначения того или иного предмета или явления. Вряд ли можно поэтому признать синонимами слова *говядо* и *бык*, *губерния* и *область*, *Петроград* и *Ленинград*, *Екатеринбург* и *Свердловск* и др.

Не могут быть признаны синонимами и функционирующие в разных языках обозначения одного и того же объекта, как не могут считаться синонимами франц. *bureau* — рус. *бюро*, франц. *liqueur* — рус. *ликер*, так нельзя относить к синонимам франц. *Paris* — рус. *Париж*, франц. *Marseille* — рус. *Марсель* и др.¹⁴

⁹ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного, с. 300.

¹⁰ Воробьева И. А. Топонимика Западной Сибири, с. 23.

¹¹ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного, с. 300.

¹² Воробьева И. А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск, 1973, с. 199.

¹³ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного, с. 300, 302.

¹⁴ Иной точки зрения придерживается А. В. Суперанская, считающая синонимами разные имена, связанные с различными названиями одних и тех же объектов на разных языках (например, одна и та же река в Кампучии — *Меконг*, а в Китае — *Ланьцанцзян*), а также наименования, «связанные с из-

Обратимся к рассмотрению топонимической омонимии. А. В. Суперанская полагает, что омонимами могут считаться лишь собственные имена, называющие объекты разных классов: «Таким образом, если имена собственные принадлежат к разным полям (город Бабушкин, курсант Бабушкин) — это омонимы; если они принадлежат к одному полю (два человека по фамилии Бабушкин), это два разных применения одного и того же слова»¹⁵. «Если одно имя в одном поле употребляется в связи с разными объектами, это не омонимия, а тезоименность — применение одного имени к разным объектам»¹⁶. Аналогичная точка зрения (со ссылкой на работу А. В. Суперанской) представлена в «Словаре русской ономастической терминологии»¹⁷.

Между тем вряд ли правомерно во всех случаях, когда реалии названы одинаково, говорить о тезоименности. Под тезоименностью понимается «использование одного имени для разных объектов в одном ономастическом поле»¹⁸.

Возьмем для примера два названия рек в бассейне р. Тавды (приток Иртыша) — *Молва* и *Турья*. Оба топонима восходят к мансийскому языку и означают соответственно «толокнянка (ягода)» и «озерная река»¹⁹. Однако реки с такими же названиями имеются и в бассейне Оки²⁰. Нет надобности доказывать, что говорить об «использовании одного имени для разных объектов» в данном случае было бы неверно.

Конечно, примеры субстратных названий ярче всего показывают, что наличие двух внешне одинаковых обозначений отнюдь не обязательно связано с использованием одного имени для разных объектов. Однако и по отношению к топонимам, восходящим к русскому языку, вряд ли правомерно считать, что в одинаковых названиях всегда реализуется одно и то же имя, а не одна и та же модель. Факты топонимических систем свидетельствуют скорее об обратном. Права В. Д. Беленькая, считающая омонимами в пределах той или иной топонимической системы любые одинаковые наименования разных объектов, в том числе топонимы, входящие в одно ономастическое поле²¹.

менением одного и того же слова в разных языках» (франц. *Paris* — рус. *Париж* — итал. *Париджи*). (Суперанская А. В. Общая теория имени собственного, с. 302—303).

¹⁵ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного, с. 290.

¹⁶ Там же, с. 289.

¹⁷ См.: Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978, с. 94.

¹⁸ Там же, с. 131. Здесь же приводится пример: р. *Медведица*, пр. Волги, р. *Медведица*, пр. Дона.

¹⁹ См.: Глинских Г. В. Мансийские субстратные топонимы в русских говорах по р. Тавде. — В сб.: Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978, с. 146, 172.

²⁰ См.: Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976, с. 27, 177.

²¹ См.: Беленькая В. Д. Проблема топонимической омонимии. — IV Республиканская ономастическая конференция. Тези. Київ, 1969.

В одном ряду с омонимами обычно рассматриваются паронимы — «слова с разным написанием, имеющие очень близкое, но все же не тождественное произношение»²². Ср., например, *факт — фактор, рассвет — расцвет, представить — предоставить* и др. Немало подобных примеров можно найти и в топонимии: *гор. Заволжск — гор. Заволжье, Зеленоград — Зеленоградск, Тула — Тулун, Холм — Холмск* и др. К сожалению, вопрос о паронимии в сфере собственных имен пока разработан недостаточно.

Кратко коснемся вопроса о возможности проявления антонимии в собственных именах. В настоящее время можно считать сложившимся мнение, что собственным именам «антонимия принципиально не свойственна»²³. Действительно, собственные имена, обозначая единичные понятия, являются максимально конкретными. Каждый топоним, обозначая ту или иную реалью, противопоставлен названиям всех других географических объектов и поэтому в общем не может быть противопоставлен какому-то объекту больше, чем остальным, как это происходит при антонимии в нарицательных именах. Вместе с тем окончательный ответ, по-видимому, будет зависеть от решения вопроса о значении собственных имен. В частности, если исходить из точки зрения И. А. Воробьевой, считающей, что у топонимов «в сигнификативное значение входит внутренняя форма, как отражение нашего знания о некоторых отличительных признаках... объектов»²⁴, то в коррелятивных парах типа *Большой — Малый, Верхний — Нижний* и др. можно усматривать антонимические отношения.

Таким образом, среди собственных имен можно обнаружить синонимию, проявляющуюся значительно более узко, чем у нарицательных, и омонимию, распространенную, напротив, очень широко. Что касается антонимии, то в лучшем случае речь может идти лишь о ее рудиментах, которые находят выражение в сохранении доономастической противопоставленности значений слов, входящих в название.

III

По происхождению вся нарицательная лексика может быть разделена на исконную и заимствованную. Наличие аналогичных групп слов среди собственных имен не вызывает сомнений.

Обратимся сначала к анализу термина «исконное имя». В «Словаре русской ономастической терминологии» он объясняется как «первичное наиболее старое собственное имя данного языка («свое» имя)»²⁵. Отметим, что это толкование само по

²² Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка, с. 44.

²³ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного, с. 304.

²⁴ Воробьева И. А. Топонимика Западной Сибири, с. 20.

²⁵ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии, с. 124.

себе в значительной степени неопределенно. В частности, неоправданным представляется введение временного признака: исконным может быть и «молодое» собственное имя, ср., например, город *Белогорск* (Амурская область, название дано в 1957 г.²⁶). Очевидно, исконность того или иного имени должна определяться не возрастом, а происхождением. Иначе говоря, исконным следует считать любое имя, возникшее с помощью и на основе средств данного языка²⁷.

Как известно, среди исконно русских нарицательных слов выделяют соответственно этапам развития языка несколько разрядов: индоевропейская, общеславянская, восточнославянская и собственно русская лексика²⁸. По отношению к собственным именам такое деление можно принять лишь с рядом существенных оговорок. Прежде всего это касается ономастики индоевропейского и общеславянского периодов развития языка. Установить топонимы, относящиеся к этому времени,— значит, по существу, определить места индоевропейской и славянской прародин. Вместе с тем, как отметил Ф. П. Филин, «чем дальше в глубь времен, тем труднее установить языковую принадлежность топонимов»²⁹. Несколько определеннее можно судить о восточнославянских топонимах, которые отражены в древних письменных памятниках. Однако этот разряд топонимов изучен пока недостаточно. Из всех разрядов исконно русской топонимии в работах современных исследователей представлена почти исключительно собственно русская топонимия.

Таким образом, исконно русская топонимия может быть разделена на разряды аналогично нарицательной лексике, однако индоевропейская и общеславянская топонимия в настоящее время выделяются только гипотетически.

Исконной лексике противостоят заимствования. Проблема заимствований в ономастике чрезвычайно сложна и многоаспектна, поэтому далее будут затронуты лишь вопросы, непосредственно связанные с темой настоящей статьи.

Обычно, говоря о русской лексике иноязычного происхождения, в качестве особого разряда слов рассматривают старославянизмы³⁰. В ономастике влияние старославянского языка может быть обнаружено прежде всего в антропонимии. Что ка-

---

²⁶ РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 января 1977 года. М., 1977, с. 61.

²⁷ Ср.: «Под исконно русским словом понимается всякое слово, возникшее в русском языке или унаследованное им из более древнего языка-источника, независимо от того, из каких этимологических частей (исконно русских или заимствованных) оно состоит...» (*Шанский Н. М.* Лексикология современного русского языка, с. 73).

²⁸ См.: *Калинин А. В.* Лексика русского языка, с. 62.

²⁹ *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 21.

³⁰ См.: *Калинин А. В.* Лексика русского языка, с. 86 и сл.; *Шанский Н. М.* Лексикология современного русского языка, с. 87 и след.

сается топонимии, то в составе географических названий слова старославянского происхождения могли оказаться только после усвоения их русским языком в качестве нарицательных или антропонимов.

Все заимствованные топонимы в русском языке, как и нарицательные слова, подвергаются фонетической, морфологической и лексической адаптации. Полностью усвоенными могут считаться географические названия, утратившие черты иноязычности. Недостаточно освоенные топонимы по тем или иным признакам отличаются от исконно русских названий, ср., например, несклоняемые топонимы *Душанбе*, *Тбилиси* и др. Содержание адаптации у имен собственных и нарицательных не имеет существенных отличий³¹.

Лексически освоенные географические названия органически входят в русскую топонимическую систему. Носителями языка их заимствованный характер практически не ощущается, так как такие топонимы в формальном отношении ничем не отличаются от исконно русских названий, утративших внутреннюю форму.

Среди нарицательных заимствований часто выделяют экзотизмы и варваризмы. Под экзотической лексикой понимаются слова, которые обозначают предметы и явления из жизни другого народа и употребляются в тех случаях, когда речь идет не о русской действительности³². Варваризмы — «это подлинно иностранные слова, вкрапленные в русский текст»³³. Разграничение варваризмов и экзотизмов в нарицательной лексике встречает значительные трудности и неоднозначно толкуется исследователями. Так, А. В. Калинин считает экзотизмами слова *кюре*, *пфенниг*, *консьерж*, *клерк*, *констебль*³⁴, а в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой эти же слова отнесены к варваризмам³⁵.

По отношению к собственным именам провести такое разграничение вообще вряд ли возможно. А. В. Калинин считает варваризмами «названия зарубежных газет, некоторых предприятий, организаций: «Драпо руж», «Юманите», «Непсабатшаг», «Нейес Дейчланд», «Морнинг стар», «Таймс», «Лайф», «Франс пресс» и др.»³⁶ Вместе с тем нет никаких препятствий считать эти слова экзотизмами.

Как бы ни решать этот вопрос для нарицательной лексики, по отношению к собственным именам разграничение варваризмов и экзотизмов будет носить схоластический характер. Любой

³¹ См.: Дульзон А. П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения. — ВЯ, 1959, № 4; Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.

³² Калинин А. В. Лексика русского языка, с. 72.

³³ Там же, с. 74.

³⁴ Там же, с. 72—73.

³⁵ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 70.

³⁶ Калинин А. В. Лексика русского языка, с. 75.

топоним, обозначающий объект, находящийся не на территории, заселенной русскими, и восходящий к местным языкам, при употреблении в русском языке может считаться одновременно экзотизмом («речь идет не о русской действительности») и варваризмом («иностранные слова, вкрапленные в русский текст»). Очевидно, многие топонимы-варваризмы одновременно могут являться интернационализмами. Это относится к широко известным названиям столиц государств, крупных естественно-географических объектов и т. п., ср. *Вашингтон, Лондон, Париж, Амазонка, Кордильеры* и др.

В связи с включением заимствований в топонимическую систему представляет значительный интерес вопрос о содержании термина «русская топонимия». Как пишет И. А. Воробьева, «в широком понимании этого термина все топонимы, употребляемые русским населением, независимо от происхождения, входят в русскую топонимическую систему, поэтому могут быть подведены под понятие «русская топонимия»³⁷. Принимая в целом это определение, добавим, что в русскую топонимическую систему могут входить только топонимы, обозначающие объекты на территории русского заселения и употребляемые русскими. При отсутствии одного из этих условий географическое название не может быть отнесено к русской топонимической системе.

Приведем пример. В топонимии района Верхней Гутары (Нижеудинский район Иркутской области) некоторые географические объекты носят двойные названия, ср. тофалар. р. *Аар-ой* («черный ключ») — рус. *Сосновая*, тофалар. *Арскан-адыр* («горелый исток») — рус. *Ванькина речка* и др.³⁸ Топонимы *Аар-ой, Арскан-адыр* не могут входить в русскую топонимическую систему, так как они не засвидетельствованы в русском употреблении, хотя русское население в тех местах также представлено. С другой стороны, такие топонимы, как *Марсель, Париж, Руан* и др., не входят в русскую топонимическую систему, хотя и употребляются русскими. Это названия иной топонимической системы, переданные средствами русского языка. В случае же, когда русскими усвоены в местах их проживания местные иноязычные названия, можно говорить о русской топонимии, восходящей к местным языкам, так как усвоенные топонимы с необходимостью становятся частью русской топонимической системы в целом, образуя единую совокупность имен, обозначающих все искусственные и природные объекты, выделяемые русским населением.

Иное содержание в понятие «русская топонимия» вкладыв-

³⁷ Воробьева И. А. Топонимика Западной Сибири, с. 115.

³⁸ См.: Глинских Г. В. Тофаларско-русские топонимические параллели в районе Верхней Гутары. — В сб.: Вопросы топониматики. Свердловск, 1970; вып. 4, с. 87.

вает Н. К. Фролов. В своей статье³⁹ он пытается пересмотреть содержание отдельных положений и значение некоторых терминов топонимастики. Поскольку взгляды, высказанные Н. К. Фроловым, непосредственно касаются содержания расматриваемых вопросов, остановимся на них более подробно.

Н. К. Фролов пишет: «Топонимическая система территориальна. Это система локально ограниченной, пестрой *по языковой принадлежности* (подчеркнуто нами.—Г. Г.) специфической лексики для обозначения региональных географических реалий с их «групповыми и бинарными противопоставлениями» и соответственно — противопоставлениями разрядов топонимов, объединенных в однородные ряды или на основе тематической группировки классов объектов, или на основе смежности семантических и словообразовательных признаков лексики».

Какие же аспекты признаются системообразующими в этом определении? Объединение в однородные ряды на основе тематической группировки классов объектов? В таком случае система существует лишь в воображении исследователя, который может, взяв сколь угодно большую территорию, осуществить такую группировку. Что же касается коррелятивности семантики и словообразования, то в сфере собственных имен, как показывает далее в этой статье Н. К. Фролов, такая коррелятивность малоинформативна, поэтому, например, *Борки* может быть обозначением и села, и угодья. Селом и угодьем может быть и топоним *Бор*. Каким же образом коррелятивность семантических и словообразовательных признаков может стать системообразующим фактором в топонимической системе?

Не совсем ясно, что имеет в виду Н. К. Фролов, когда утверждает, что «интерпретация топонимической системы не может не быть диахронической». Очевидно, речь идет о том, что члены топонимической системы могут быть гетерогенны по происхождению, а сама топонимическая система складывается из элементов, прошедших длительную эволюцию. В этом случае, однако, речь должна идти не о диахронической интерпретации топонимической системы, а о происхождении элементов, составляющих эту систему. Если же речь идет именно о диахронической интерпретации топонимической системы, то, очевидно, следует говорить о постепенной смене одной топонимической системы другой или, может быть, о постепенном перерастании одной топонимической системы в другую. Впрочем, говорить об этом возможно только тогда, когда будет выработано четкое, недвусмысленное определение топонимической системы. Особенно необходимо отметить недостаточную разработанность вопроса о системообразующих факторах в топонимических системах.

---

³⁹ См. в настоящем сборнике: Фролов Н. К. Статут микротопонимии в системе топонимии.

По мнению Н. К. Фролова, целесообразна постановка «вопроса о соотношении терминов «топонимическая система», «топонимия», «микротопонимия», внутренним содержанием которых является представление о локально-этнической и языковой принадлежности географических названий». В чем же проявляется связь содержания этих терминов с локально-этнической и языковой принадлежностью топонимов? Н. К. Фролов пытается соотнести термины «топонимическая система» и «топонимия» как понятия, находящиеся в родо-видовых отношениях. Иначе говоря, в состав топонимической системы входит несколько «топонимий», а каждая «топонимия» есть «подсистемная совокупность *различных по языковой принадлежности* (подчеркнуто нами.—Г. Г.) групп топонимов». В конечном счете Н. К. Фролов так определяет топонимическую систему: «Региональная топонимическая система — это исторически сложившаяся на определенной территории внутренне организованная совокупность географических названий, *являющаяся составной частью лексической системы одного и более языков*» (подчеркнуто нами.—Г. Г.). Каким образом может существовать топонимическая система, являющаяся одновременно частью лексической системы нескольких языков, остается неясным.

Пытаясь вычленив из «топонимической системы» серию разнородных «топонимий», Н. К. Фролов ничего не говорит о методике, средствах и целях такого выделения. Он возражает против того, чтобы выделять в русской топонимии «так называемые «русские по употреблению», иначе говоря, любые иноязычные (аборигенные) названия, попавшие в русский язык». Здесь же утверждается, что «не совсем точны и прозрачны сочетания «русская топонимия мансийского происхождения», «русская топонимия хантыйского происхождения», поскольку тут речь идет об описании транслитерированной ханты-мансийской топонимии».

Что касается последнего возражения Н. К. Фролова, то его следует признать несостоятельным. Достаточно сопоставить мансийские топонимы горной части Северного Урала, употребляемые манси, с субстратной мансийской топонимией, чтобы увидеть разницу между транслитерацией мансийских топонимов и мансийской топонимией, усвоенной, активно употребляемой русским населением⁴⁰. Считать субстратные топонимы транслитерацией — значит забыть о тех изменениях, которым подвергается название в ходе русской адаптации⁴¹. Нет никаких сом-

---

⁴⁰ См.: Глинских Г. В., Матвеев А. К. Материалы по мансийской топонимике. I.—В сб.: Вопросы ономастики. Свердловск, 1975, вып. 10; Глинских Г. В. Мансийские субстратные топонимы в русских говорах по р. Тавде.—В сб.: Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978.

⁴¹ См.: Дульзон А. П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения.

нений, что выделение в русской топонимии пласта любого происхождения вполне правомерно, как правомерны, следовательно, работы, посвященные русской топонимии мансийского, хантыйского, самодийского, тюркского, финно-угорского и т. д. происхождения.

Полагая, что «топонимическая система» состоит из нескольких разноязычных «топонимий», Н. К. Фролов останавливается на характеристике одной из них — русской топонимии. По его мнению, «подсистема русской топонимии базируется на названиях, образованных от русских и обрусевших корневых морфов с помощью словообразовательных средств русского языка».

При таком определении состава русской топонимии возникает ряд вопросов. Входят ли в «подсистему русской топонимии» в таком случае многие названия населенных пунктов Тюменской области *Тюмень*, *Урай*, *Шаим*, *Ялуторовск*? Или названия рек *Тавда*, *Туртас* и др.? Если данные названия не входят в русскую топонимию, то под какими наименованиями эти реалии представлены в русской топонимии? Если же они являются частью русской топонимии, т. е. входят в нее (Н. К. Фролов считает именно так), то тогда надо признать, что все перечисленные названия образованы «от русских и обрусевших корневых морфов с помощью словообразовательных средств русского языка», что находится в совершенном противоречии с истинным положением дел. Аналогичные примеры можно привести и на материале менее известных географических названий, которые Н. К. Фролов при условии их нерусского происхождения исключает из русской топонимии. Так, если русским населением речка называется *Азарья*, озеро *Ахтыш*, а урочище *Варнел*, то можно ли выводить их из состава русской топонимии на том основании, что все они восходят к мансийскому языку? В какую топонимическую систему они входят, если носителей мансийского языка в этих местах нет? Наконец, как в таком случае обозначить эти реалии в системе русской топонимии? Из этого заколдованного круга, если принять предложение Н. К. Фролова, вырваться невозможно.

Таким образом, исключение иноязычных по происхождению географических названий из русской топонимии ошибочно. Очевидно, во все времена русским языком заимствовались топонимы аборигенного населения, которые с течением времени становились неотъемлемой частью русской лексики. Считать, что только широко известные заимствованные топонимы входят в состав русской топонимии, а все остальные являются не более, чем транслитерированными обозначениями географических объектов, взятыми из местных языков (особенно в тех случаях, когда языки, к которым восходят эти топонимы, на данной территории уже не функционируют), нет решительно никаких оснований. Как указывает Ф. П. Филин, «элементы чужих языков после преодоления возникших в связи с вторжением «пришель-

цев» противоречий становятся органической частью воспринимающей системы и утрачивают свою чужеродность»⁴².

Заканчивая сопоставление разрядов нарицательной лексики и собственных имен с точки зрения происхождения, отметим, что в топонимии, как и в нарицательной лексике, встречается такая разновидность заимствований, как кальки и полукальки. Примеры параллельных названий, одно из которых является калькой другого, приводятся, в частности, А. И. Поповым на материале топонимии Карелии: *Крепкое озеро* и *Вагвоярва* (карел.-фин. *vahva-järvi* «крепкое озеро»), *Медвежий наволоок* и *Конда-наволоок* (карел. кондый «медведь»), *Степанов наволоок* и *Топой-ниemi* (карел. Топой «Степан», ниemi «наволоок»)⁴³.

IV

С точки зрения сферы употребления нарицательная лексика современного русского языка может быть разделена на общенародную и необщенародную. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой «общенародный» — «широко употребляемый в разговорной повседневной речи, не ограниченный какими-л. стилями или сферами употребления, общеизвестный»⁴⁴. «Необщенародная лексика — это лексика, употребление которой связано с профессией человека, его местом жительства, родом занятий и т. п. К необщенародной лексике относятся диалектные, специальные и жаргонные слова»⁴⁵.

По отношению к собственным именам такое разграничение также может быть вполне правомерным. Не может быть никаких сомнений при отнесении, например, таких топонимов, как *Москва, Ленинград, Волга, Дон, Енисей* и др. к общенародной лексике.

Значительно сложнее обстоит дело, когда мы обращаемся к выделению топонимов, относящихся к диалектной лексике. В «Словаре русской ономастической терминологии» для термина «диалектное имя» приведено два значения: «1) Имя, возникшее на основе диалектных лексем и формантов. 2) Диалектный вариант имени»⁴⁶. Первое значение содержит указание только на формирование имени и не затрагивает сферы употребления. Во втором значении этот термин противопоставлен литературному варианту имени, однако в данном случае предполагается, что один и тот же объект имеет два обозначения,

⁴² Филин Ф. П. Противоречия и развитие языка.— ВЯ, 1980, № 2, с. 14—15.

⁴³ Попов А. И. Географические названия. М.—Л., 1965, с. 123, 124, 128. См. также: Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965, с. 121—128.

⁴⁴ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов, с. 278.

⁴⁵ Современный русский язык. (Ч. 1. Лексика и фразеология. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Словообразование. Морфология). Под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1979, с. 34.

⁴⁶ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии, с. 56.

одно из которых признается литературным, другое — диалектным вариантом имени, ср. приведенные в Словаре примеры: литер. гор. *Мурманск* — диал. *Мурман*, литер. станица *Вёшенская*⁴⁷ — диал. *Вёшки*⁴⁸.

Таким образом, Н. В. Подольская не проводит разграничения имен по сферам употребления. Между тем многие географические названия функционируют в диалектной среде. Некоторые исследователи даже считают необходимым включение их в областной словарь⁴⁹. В связи с этим представляется вполне правомерным говорить о диалектном топониме как географическом названии, употребляемом носителями того или иного диалекта. Все ли географические названия, употребляемые в той или иной диалектной подсистеме, можно считать диалектными топонимами? Очевидно, любой топоним, обозначающий географический объект в пределах распространения того или иного диалекта и функционирующий в речи носителей говора, может считаться диалектным. В связи с этим можно говорить о диалектной топонимической системе. Что же касается топонимов, называющих реалии за пределами территории распространения диалекта, то они, за исключением названий в пограничных районах, не входят в диалектную топонимическую систему, а являются элементами иных топонимических систем, что, впрочем, не исключает при устном употреблении носителями говора возможности отражения в них черт данного диалекта (главным образом фонетических, иногда морфологических).

Географические названия, образующие диалектную топонимическую систему, могут одновременно входить в состав общенародной топонимии. Собственно диалектный характер имеют только топонимы, называющие объекты, нарицательные обозначения которых в говоре отличаются от общенародных. Иначе говоря, диалектный топоним не входит в общенародную топонимию, если употребляемый рядом с ним номенклатурный термин является территориально ограниченным. При необходимости обозначить тот или иной объект в литературном языке приходится приписывать собственному имени общенародный номенклатурный термин, а диалектный обычно включается в состав топонима в целом. Ср. примеры из топонимии Каргополя: в д. Андреевская слово *мислина* — «пожня, которая выкашивается несколькими хозяевами». Здесь же топоним *Мислина*, пож. В д. Савина слово *разлива* — «пожня на заливных лугах». Здесь же топоним *Лунишная Разлива*, пож. В д. Ковжа *дор* — «суходол, сухая полянка». Здесь же топоним *Рябовский*

---

⁴⁷ В Словаре *Вёшинская* — опечатка. См.: Словарь географических названий СССР. Под ред. М. Б. Волостновой. М., 1968, с. 47.

⁴⁸ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии, с. 41.

⁴⁹ См.: Гецова О. Г. Проект Архангельского областного словаря. М., 1970, с. 34.

Дор, ур. и др.⁵⁰ В диалектной среде, очевидно, приведенные топонимы функционируют несколько иначе: мислина *Мислина*, разлива *Лунишная*, дор *Рябовский* и др.

Сказанное дает базу для выработки критериев отбора географических названий для областного топонимического словаря дифференциального типа. В такой словарь должны включаться в первую очередь топонимы, употребляемые с диалектными номенклатурными терминами. Добавим, что дифференциальный характер имеют лишь те топонимы, которые включают в свой состав диалектные номенклатурные термины, употребляемые носителями того или иного диалекта в настоящее время. В случае, если термин утрачен говором, а топоним функционирует с литературным номенклатурным термином, такое географическое название не имеет дифференциального характера и может быть как диалектным, так и общенародным. В речи представителей литературного языка топоним диалектного происхождения теряет свою принадлежность к диалектной топонимической системе, втягиваясь в ряды и оппозиции общенародной топонимической системы.

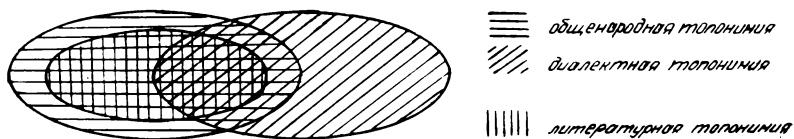
Таким образом, с точки зрения сферы употребления в топонимии, как и в нарицательной лексике, существуют общенародные и диалектные лексические единицы. Диалектная топонимическая система представляет собой совокупность географических названий, употребляемых носителями местных говоров и обозначающих реалии в пределах территории распространения того или иного диалекта.

В общенародной топонимии можно выделить литературные географические названия. Литературными могут считаться топонимы, имеющие традицию употребления в литературном языке, написание и произношение которых регламентировано специальными справочниками и пособиями.

Следует заметить, что нельзя ставить знака равенства между литературной и общенародной топонимией. К общенародной топонимии относится любое географическое название вне зависимости от того, в устной или письменной форме оно употребляется, закреплено или не закреплено официально, широкому или узкому кругу носителей языка известно и т. д. С другой стороны, нельзя смешивать общенародную и диалектную топонимию. При этом надо иметь в виду, что в любом русском диалекте могут употребляться слова специфические и слова, общие для всех носителей языка, причем общих слов гораздо больше, что и обеспечивает взаимопонимание между носителями любых русских диалектов. По отношению к топонимии это означает, что в состав диалектной топонимической системы входит значи-

⁵⁰ См.: Гусева Л. Г. Термины, обозначающие различные виды земельных угодий, в апеллятивной лексике и топонимии Каргопольского края.— В сб.: Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. Свердловск, 1976, с. 98, 101, 96.

тельное число географических названий, являющихся частью общенародной топонимии. Прежде всего это названия населенных пунктов, рек, а также многие другие топонимы и микро-топонимы. Взаимоотношения между общенародной, диалектной и литературной топонимией могут быть проиллюстрированы следующей схемой:

Специального рассмотрения требует вопрос об отношении диалектной топонимии к микротопонимии. «Микротопоним — собственное имя (чаще) природного физико-географического объекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее лишь в пределах микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта, в т. ч. микрогидроним, микроойконим, микроороним, микрохороним, названия урочищ, хозяйственных угодий, микросооружений (колодцев, мостов, будок, вышек, зимовий, кордонов, охотничьих домиков и т. п.)»⁵¹. Исходя из данного определения, можно установить, что диалектный топоним и микротопоним — далеко не всегда одно и то же. Признак, который их сближает, — функционирование в пределах определенной территории. Довольно часто поэтому микротопоним, обозначающий определенный объект на территории распространения того или иного диалекта, входит в диалектную топонимическую систему. В этой связи, очевидно, можно говорить о диалектной микротопонимии. Однако в диалектную топонимическую систему входят не только микротопонимы. В частности, названия рек, а также населенных пунктов имеют, как правило, достаточно широкую сферу употребления и не могут быть отнесены к микротопонимам⁵². Между тем нет никаких оснований исключать их из диалектной топонимии. Названия небольших объектов в пределах узкой территории следует в любом случае отнести к микротопонимам, однако считать диалектными их можно лишь в том случае, если они представлены в речи носителей диалекта, распространенного на этой территории. Например, не могут быть отнесены к диалектной топонимии названия улиц в городах, являющиеся микротопонимами⁵³. Наконец, как уже отмечалось, диалектный микротопоним может являться одновременно элементом общенародной топонимии.

⁵¹ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии, с. 86.

⁵² См.: Воробьева И. А. Топонимика Западной Сибири, с. 49.

⁵³ Там же, с. 45—46.

Таким образом, микротопонимия и диалектная топонимия выделяются на разных основаниях и поэтому нет причин для их отождествления.

В свете изложенного следует оценить положения, высказанные по этому вопросу Н. К. Фроловым⁵⁴. Н. К. Фролов делит русскую топонимию на два яруса. В первый ярус включены, по терминологии автора, общеупотребительные, или узусальные, названия, т. е. топонимы, часто встречающиеся в русской топонимии: д. *Горки*, оз. *Ямки*, р. *Быстрая*, оз. *Щучье*, д. *Ивановка* и др. Сюда же относятся широко известные топонимы субстратного происхождения: р. *Обь*, гор. *Урай*, гор. *Надым* и др. (тезис о необходимости образования названий «от русских и обрусевших корневых морфов с помощью словообразовательных средств русского языка» для отнесения к русской топонимии, выдвинутый Н. К. Фроловым в начале статьи, здесь почему-то не используется). Объединяет эти оба пласта в один ярус, по мысли автора, то, что все эти географические названия «стали достоянием русского литературного языка». Включение их в состав литературного языка, по-видимому, представляется Н. К. Фролову очевидным, так как какой-либо дополнительной аргументации в статье не приводится.

Как вытекает из содержания статьи, Н. К. Фролов полагает, что одинаковые по форме топонимы в разных топонимических регионах могут быть отождествлены и представляют собой употребление одного обозначения для разных объектов, ср.: «Так, топонимы *Горки*, д., р., *Ямки*, с., оз., *Быстрая*, р., д., *Ивановка*, д., *Преображенка*, с., *Щучье*, оз., *Рыбное*, с. и другие, весьма типичны для большинства топонимических регионов». К сказанному ранее об ошибочности этого взгляда добавим, что если встать на точку зрения Н. К. Фролова, то окажется, например, что кроме топонима *Дунай*, обозначающего одну из крупнейших рек Европы, следует признать литературными многочисленные обозначения ручьев и речек с таким же названием, бытующие на Урале и русском Севере (только в картотеке Севернорусской топонимической экспедиции их более 30⁵⁵). Хотя название оказывается широко известным и типичным, нет надобности доказывать, что литературному языку известен лишь один топоним *Дунай*. При обозначении других объектов с помощью этого слова мы получаем омонимы, каждый из которых для признания его литературным должен пройти свой путь.

Таким образом, точка зрения, согласно которой литературными должны быть признаны обозначения наиболее крупных объектов, а также любые названия, входящие в достаточно широкий омонимический ряд, не выдерживает критики.

---

⁵⁴ См. в наст. сб.: *Фролов Н. К.* Статус микротопонимии в системе топонимии.

⁵⁵ См.: *Печерских Т. А.* Вторичные топонимы типа Камчатка, с. 26.

Ко второму ярусу Н. К. Фролов относит локальные русские и обрусевшие названия, известные в топонимии Западной Сибири и прилегающих территорий: *Курья*, д., пос., оз. и др. (ср. нарицательное «курья», заимствованное у коми) и др. Сюда же относятся топонимы, восходящие к диалектизмам более узкой сферы распространения: *Скородум*, д., *Одина*, д., *Гляден*, д., р., *Омут*, д., *Юганка*, р., *Пешка*, д. и др.⁵⁶

«Отличительной особенностью названий второго яруса является их соотнесенность главным образом с географическими объектами местного значения или микрообъектами, названия которых функционируют лишь в кругу жителей близлежащих поселений». Для топонимов этого типа Н. К. Фролов предлагает термин «диалектоним», утверждая при этом, что «статус диалектонимов аналогичен статусу диалектной лексики».

Для отнесения того или иного топонима к диалектным следует опираться не на происхождение топонима, а на функционирование его в речи носителей диалекта. Оценивая приводимые Н. К. Фроловым примеры, трудно сказать, являются ли они диалектными, так как необходимые сведения для суждений по этому вопросу в статье отсутствуют. Следует заметить также, что попытка соединить в одном термине («диалектоним») понятия «диалектный топоним» и «микротопоним» не может быть признана удачной.

V

В стилистическом отношении все нарицательные слова делятся на нейтральную (межстилевую) лексику и лексику, характерную для того или иного функционального стиля языка. Ср. напр.: *нейтральные* дом, дерево, птица; *книжные* вестник, импульс, недуг; *разговорные* ватага, крепыш, мудреный и т. д.

Следует заметить, что развернутая стилевая дифференциация лексики охватывает лишь литературный язык, наличие стилей в других формах существования языка проблематично. Поэтому по отношению к ономастике речь также должна идти только о тех собственных именах, которые могут быть отнесены к русскому литературному языку. Однако и в этих узких рамках вопрос о стилистических характеристиках ономастической лексики пока разработан недостаточно. А. В. Суперанская отмечает разнообразие факторы, которые могут оказывать влияние на стилистику собственных имен⁵⁷, однако необходимо исследовать, в какой мере и при каких условиях эти факторы воздействуют на собственные имена разных разрядов. Есть основания считать, что не все собственные имена в стилистическом отно-

⁵⁶ Не ясно, на каком основании названия *Омутинка*, *Юганка*, *Пешка* Н. К. Фролов относит к словообразовательным диалектизмам.

⁵⁷ См.: Суперанская А. В. Общая теория имени собственного, с. 310—311.

шении ведут себя одинаково. Так, если для личного имени наличие стилистических вариантов может считаться нормой (ср. *Иван — Ванька, Виталий — Витюха* и др.), то появление таких вариантов среди названий материков будет исключительным явлением.

В топонимии стилистическая дифференциация может быть связана в первую очередь с наличием официальной и неофициальной формы географического названия, ср.: *Петербург — Питер, Каменск-Уральский — Каменск, Нижний Тагил — Тагил* и др. Официальная форма принадлежит книжному стилю в его различных разновидностях, а неофициальная — разговорному. Топонимы, не имеющие вариантов, могут быть отнесены к межстилевой лексике. Заметим, однако, что в определенном контексте стилистическую окрашенность могут приобретать и неварьируемые топонимы. Известное значение в этом плане может иметь, например, яркая внутренняя форма, а также разного рода ассоциации и коннотации. В целом же, как было отмечено, вопрос об условиях и характере стилистической окрашенности топонимов нуждается в дальнейшей разработке.

VI

С точки зрения активного и пассивного запаса вся нарицательная лексика современного русского языка делится на три группы: слова, активно используемые в настоящее время (*город, бумага, человек*); слова устаревшие, т. е. вышедшие из повседневного употребления, но известные носителям языка (*верста, приказчик*); слова, имеющие оттенок новизны, свежести (*дискотека, тостер, универсам*).

Выделение аналогичных разрядов в топонимии в целом не встречает серьезных препятствий. Названия, используемые в настоящее время для обозначения тех или иных географических объектов, входят в активный словарь, а топонимы, обозначавшие реальию в прошлом, должны быть отнесены к группе устаревших слов, ср. напр.: *Петербург, Екатеринбург, Екатеринослав и Ленинград, Свердловск, Днепропетровск*. Любое вновь возникающее название может считаться неологизмом.

Следует заметить, что при оценке географического названия с точки зрения активного и пассивного запаса следует руководствоваться только данными его современного функционирования. Так, хотя топонимы *Мытищи, Шуя* восходят к утраченным русским языком *мыто* «подать, налог» и *шуя* «левый», оба названия входят в активный запас языка.

Подводя итог, можно констатировать, что в топонимии в большинстве случаев можно обнаружить те же группы, что и в нарицательной лексике. Следует отметить, что применение общих принципов классификации нарицательной лексики к топонимии должно осуществляться осторожно и учитывать особенности топонимического материала.